

Татяна Иванько

Золото. Том 2

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Золото. Том 2 / Иванько Т. В.; худ. Иванько Т. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 183 с.

ISBN 978-5-532-95937-8

Встреча двоих, принуждённых стать супругами, вместе править царством, придвинутым к бездне. Толкнут они своё царство во тьму или станут мостом к спасению. Найдут врагов друг в друге или станут настоящим оплотом для своего народа и будущего? Предубеждение и даже отвращение окажутся побеждены долгом перед Великим Севером или растворятся во взаимной любви? И куда приведёт Белогора вечное и непреодолимое стремление к познанию неведомого, к любви, оказавшейся под запретом. Великого жреца всё это приведет к предательству или заставит отречься от самого себя? Избранность, царская кровь и трон - это дар или испытание? И захочет ли героиня пройти его? Выберет долг, продиктованный кровью, содержащей магию веков и секрет власти, или свободу, в которую её насильно вытолкнули ещё ребёнком?..

ISBN 978-5-532-95937-8

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 6	4
Глава 1. Сила	4
Глава 2. Чудная ночь	15
Глава 3. Утро вечера...	25
Глава 4. Охота	37
Глава 5. Ярость	61
Часть 7	75
Глава 1. Беспокойная ночь	75
Глава 2. Жаль...	87
Глава 3. Солнечное утро	103
Глава 4. Царёвы жёны	111
Часть 8	124
Глава 1. Последний день	124
Глава 2. Прости меня	137
Часть 9	148
Глава 1. Крылья	148
Глава 2. Единство	158
Глава 3. Верь!	168
Глава 4. Знать!	176

Часть 6

Глава 1. Сила

Я открыл глаза, где я... чёрт... Тут пахнет нашим домом, нашим с Онегой... Нет... она не Онега. Она – Авилла... Авилла...

Лай-Дон наклонился надо мной, лицо озабоченное, бледное.

– Очнулся? Вставай, давай! Увезли её!

Я попытался сесть. Увезли... Я привёл их сюда... Прямо сюда. Сказал: я сват... Я отдал её.

– Доня, – я назвал Лай-Дона так, как называет его она.

– Уже закат, ты весь день без памяти, этот раззолоченный жрец капель тебе в рот влил, нарочно, чтобы ты не мог за ними погнаться...

Он бледный и красные вихры впервые кажутся мне такими яркими, прямо режут глаз.

– Доня... что гнаться, я её сам... Сам отдал. Ещё в Солнцеграде... и ей сказал, что... – я сел, опустив ноги на пол, которого я не чувствую, сильно кружилась голова, даже качается вся горница. Здесь ещё её, Онегин запах... её самой нет. Но её и не было. Никогда не было. Она была Авиллой, а не Онегой...

– Они опоили тебя чем-то? – продолжает Лай-Дон.

– Что? – я посмотрел на бледного Лай-Дона. Он, похоже, напуган. Опоили? Чем?... Нет...

– Всё равно! Догнать надо, вернуть её! – он дёргает меня, заставляя подняться.

– Вернуть?... – я посмотрел на него. – Кого вернуть, Лай-Дон? Онегу? Её Нет, и никогда не было...

– Не было?!.. Одурел ты что ли?! – задохнулся Лай-Дон. – Что, в Солнцеграде вместе с Великсаем и мозги похоронил?! – он смотрит на меня, как на умалишённого.

– Она не Онега, она – Авилла.

– Ну и что?! Что изменилось? Руки, ноги, глаза, голос, живот, грудь... что другое? Или душа стала не той? Сердце? Ты не царевны искал в ней!

– Не искал... но нашёл.

Лай-Дон вскочил, забежал по большой горнице. Вошла наша хозяйка:

– Ужин, однако, готов, снедать-то будем?

Мы оба так посмотрели на неё, что она вышла, побледнев. Но Лай-Дон хотя бы остановился, а то у меня уже рябило и дрожало в глазах от его беготни:

– Ты что, решил к Вее вернуться? Что за эти сорок дней позабыл невесту, и обратно к прежней жене? Очень правильно!

Я взглянул на него снизу вверх:

– Ты что от меня хочешь? Чтобы я Орика убил и взял себе и Онегу и царство?!

– Да не знаю я, Яван! – кричит он. – Я не ты, я только твой раб, она тебя любит или меня?!

Я опустил голову. Я никогда о короне не думал, я самый младший из полутора десятков детей моего отца... А если бы я знал, что Онега царевна, захотел бы я сделать то, что сейчас сказал? А если бы она этого хотела?... Достало бы мне сил и решимости всё это проверить? Найти союзников, переманить на свою сторону войско, северян...

– Просто заведи её и увези в степь, к южным морям, неужели мало на земле мест, где вы могли бы... – перебил мои мысли Лай-Дон.

Я сжал голову: так и надо было сделать. Так и надо было, просто забрать и уехать. Она поехала бы, её ничто не держит... Если бы они не взяли меня в оборот, эти чёртовы жрецы: «Она должна стать царицей, а ты не можешь быть царём»... – это и билось в моей голове, это заполнило мой мозг, вытеснив всё... Онега...

– Седлай!

Солнцеград... Я совсем иным помню этот город, совсем не таким я вспоминала его. Вот Белогор совсем такой, как я помню, Доброгнева тоже, только тот Белогор не целовал меня раньше в губы и не

забирался ладонями под платье, ему там нечего было искать, а та Доброгнева была стройнее и добрее ко мне, а не к нему. Или так казалось мне.

Что ж, столица Великого Севера раздвинулась, принимая меня обратно... Плавно, по до блеска утрामбованному снегу, мы въехали на двор царского терема, на площади я увидела, всюю идут приготовления к свадьбе, вот спешат-то... Неймётся молодому царю, с чего?

– И когда обряд? – спросила я, взглянув на Белогора и Доброгневу.

Они посмотрели друг на друга, по двору, и в самом тереме суета, будто прямо сейчас и начнут... Я обернулась, Белогор заговорил с каким-то высоким, ещё нестарым, но уже седовласым человеком, тоже стриженным и почти безбородым, каким приехал Яван. Это у них, сколотов, траур так отмечают, за сорок дней немного обросли... Белогор и этот седовласый направились к нам.

– Это Явор, дядя царя Орикса, царевна, – представил его Белогор, а тот склонился, почтительно взглянув снизу вверх, голубые глаза навывкате слегка, он красивый, в общем. Губы красные сухие, нездоров он, надо сказать потом будет, пару слов.

– Царь Орикса приказал сразу по твоему приезду начинать свадьбу, сказал Явор приятным грудным голосом, голоса у них семейное, похоже.

– Что ж так спешно, крыша, что ль, горит у царя твоего? – усмехнулась я. – В баню с дороги хотя бы позволено пойти невесте?

Явор немного опешил от моей нарочитой развязности, посмотрел на Белогора. А что вы ждали? Меня бритой проституткой выгнали с этого двора. Получайте, что искали...

Белогор тронул меня за плечо, но я вывернула его, это же надо, и дня погодить не могли, сначала гнали из Ганеша, теперь сразу за свадебный пир. Даже опомниться не дают, и Доброгнева будто знала...

Нет, она не знала, и Бел не знал, но тут после похорон Великая, в Солнцеграде на площадь выходили, мучили народ, кричали, что молодой царь холостой распутник, что Великому Северу такой царь невместен, с ними сцеплялись сколоты, и всё это нарастало с каждым днём, чем дальше, тем больше, угрожая перейти в настоящий

бунт и смуту с расколом народа и войной стихийной и бессмысленной.

За эту седмицу, что проездили за мной, изменилось так много, что тянуть с женитьбой оказалось уже никак нельзя. Почему-то в народе уже никто не помнил, что её стали мертвой много лет, теперь всем казалось, что её лишили власти именно проклятые захватчики, и если не восторжествует справедливость в виде возвращения её на принадлежащий ей по всем людским понятиям и законам трон, то кровь польётся рекой.

Вот и спешили. Не зря смерть царя это всегда чёрные дни...

Всё это мне рассказывала Доброгнева, пока меня, пришедшую уже из бани, расчёсывали и одевали девушки-прислужницы, исподволь с интересом разглядывая. Оказалось, я стала легендарной личностью, просто проотсутствовал несколько лет и оставшись в живых.

Так что, я нужна не только царю Ориксаю, но и всему царству во имя единства, а значит и продолжения существования. Быть может, возрождения величия нашего Севера. Чёрт с вами, скелеты, всё же вы когда-то вышли из наших снегов тоже...

Надели на меня первое платье, белоснежное, с вышивкой белым по белому. Невесту как к смерти обряжают поначалу, в известном смысле это и есть смерть – замужество, отречься от всего, что было до мужа и начать жить сначала... Вот только мужа я даже не видела толком. Спасибо, хотя бы молодой, не старик, хотя какая разница, к смерти приготовили...

Я смотрела на себя в зеркало, всё бело, меня почти не видно под этим одеянием, козу одеть могли бы никто и не заметил разницы, сейчас ещё лицо закроют белой фатой. Только кончики волос и остались видны от меня. И называюсь я теперь невеста.

Жених примет меня, должен бы от отца, но за неимением, от Доброгневой, потому что Белогор станет проводить обряд над нами. Примет жених, и введёт в шатёр, где меня переоденут в богатое платье, расшитое красным, с берегинями, коловратами, сварогами, и всеми знаками женского плодородия, вроде окошечек и ромбов орпеев, пока пустых, никто ещё не засеял поля... Богатые украшения обо-

вьют мне шею и запястья, отяготят мочки и лягут на чело. Но фату мне оставят, ведь я не жена ещё, но уже веста, ведь жених уже видел меня и не отверг, а значит, к утру стану я ему женой...

Ком из слёз разочарования и боли подступил к моему горлу. Я должна была к Явану идти в таком наряде... Ванюша... Разве я тебя не любила? Но как глупо сейчас думать об этом, от меня, оказывается, зависит жизнь и благополучие всего царства, всего Севера, пора вспомнить, чему меня учили, к чему готовили с рождения, и что я старательно забывала семь лет...

Скрепи сердце, Авилла, стальными обручами. У царицы не просят любви...

Белогор поёт своим красивым голосом брачную песнь, она летит над площадью. Сквозь густую фату я почти ничего не вижу, даже куда идти, хорошо, что ведут...

Сейчас Белогор кольца нам на руки наденет...

Вот рука царя, ну, что же, бери, никуда не деться...

Я не видел невесты и сейчас не могу разглядеть даже фигуры, только что она довольно высокая и волосы – концы болтаются из-под фаты, белые, почти не видные на белом платье... Пальцы тоненькие холодные, фу ты, вот лягушка! И худая, судя по пальцам этим хрупким, чёрт, терпеть не могу тощих баб, что с ней этой ледышкой болотной делать?! А впрочем... какая разница, лишь бы все успокоились и перестали во всё большем количестве ходить на улицы Солнцеграда и провоцировать моих скотов на драки, каждое утро кровавые пятна на снегу всё прибавляются...

Вот надо же, неугоден им холостой царь, хотя, конечно, не положено пустым царю быть.

Интересно всё же... поэт, конечно, с восхищением писал о ней, но я такой красоты не понимаю, вся эта стройность и тонкость, женщина должна греть и рожать, а что я с этой стану, жаровню в кровать ставить? Бог Папай, и ты, Апи, и Табити, посмеялись вы надо мной... За то, что я так Север полюбил, что почти отошёл от вас? И-эх... Замёрзнешь к чёрту, палка-палкой. Заноз не насажать. Мне стало смешно. Не могла потолстеть за столько лет, в голоде жила что

ль?.. Хотя, может и в голоде, кто её знает, кто вообще знает, как она провела эти годы? Да и не знать бы никогда, ну её...

Честно говоря, вся эта спешка, усмирение ежедневное недовольных так утомили меня, что я думать уже мог только об одном: как бы выспаться... А мне ещё сегодня надо вспахать борозду через площадь, показать, что я молодой и сильный, что я могу пахать и сеять. А ещё убить белого быка – это жертва Солнцу, чтобы брак мой был плодovit и благополучен, а царство процветало во веки веков. И убить, не пролив и капли крови... Всё это испытания восшествия на престол, они же свадебные. Но вначале символическое: натянуть тетиву на отцовский лук.

Забрали теперь хладнопалую весту в шатёр, пока выйдет, чтобы за свадебный стол сесть со мной и сотнями гостей, среди которых горожане, купцы, даже жители окрестных деревень, вперемешку сколоты и северяне, нарочно, чтобы прекратись вражду, ведь мы соединяем сегодня две древние крови благородную – Севера и горячую – скелотов.

Чтобы вспахать мёрзлую землю в середине зимы, нужны не просто силы... И это, конечно, понимают все, кто смотрит на меня. Вот чёрт, что же эту Авиллу летом не нашли...

Земля как камень, сердце сейчас надорвётся, мускулы на пределе, но отступить нельзя, весь город, весь мой народ, весь Великий Север смотрит на меня, сдюжу или нет. Я пробовал плуг и не один раз, с тех пор как мы пришли на Север и обнаружили тут земледельцев, я просил пахарей научить меня, чтобы знать каково это – идти за оралом, царю полезно это знать, как и труд кузнецов, столяров и плотников, если бы не этот давний опыт, я не справился бы сегодня. И... Я смог, правильно выбрав угол, под которым плуг вошёл в землю, рассчитав силу нажима, всё же пройти проклятую борозду... Несмотря на мороз, пот ручьями катит по моему телу, волосы намокли, замёрзнут в сосульки сейчас...

Но окончание пахоты венчают приветственные крики тысяч зрителей, сначала единичные, но, подхваченные дружно скелотами, и за ними и северянами тоже. Знали бы, каких усилий мне это стоило, вопили бы так, что вытрясли бы весь снег из хмурого неба!

Я ушёл, чтобы смыть пот и снять рубашку, против белого быка положено выходить обнажённым, прикрыв только срам, люди должны видеть, что поединок честный, что ты не прячешь ни в рукаве, ни в сапоге ножа или стилета, быка надо убить без крови. Это два способа: ударом кулака в лоб, в этом я не был до конца уверен, или удавить поясом...

Я не знаю, видит ли Авилла царя из шатра, но зрелище достойное. Я, как женщина, испытала волнение и удовольствие, наблюдая, как надуваются мышцы на стройном теле Орикса, когда он шёл за плугом, и ведь никаких поддавков, никаких символических актов, всё взаправду, пашет мёрзлую, поблескивающую инеем на изломах, землю, её только что от снега расчистили и всё, я смотрю и думаю, а если не справится?

Или нарочно ему нетронутую целину открыли? Могли же взорвать накануне, чтобы не убивался молодой царь на этой борозде, нет, всё оставили как есть, вот как взъелись, не на шутку. С Белогором надо поговорить, что он думает, кто это так воду вдруг взмутил, неужто стихийно всё?

— Если после свадьбы этой утихнет, значит, стихийно было, без заговора, — скажет после всего Белогор.

И я приму это к сведению...

Но ещё лучше, когда Орик вышел против быка... Стройный и тонкий, но сильный, в штанах, закатанных под коленями, босой, ничто почти не скрывает наготы царя. Что ж, Орикса, если победишь и быка... Его тело совершенно, он гибкий и ловкий, а бык огромный и матёрый с горлом в два обхвата... Дети от них с Авиллой должны быть под стать богам...

Бык свежий, голодный и злой, может, кто-то хочет убить меня? Это вспыхнуло меня в сознании.

Но кто?

Кто-то из северян?..

Или из наших, из скотов с претензией на трон?

Но кто?! Кто?